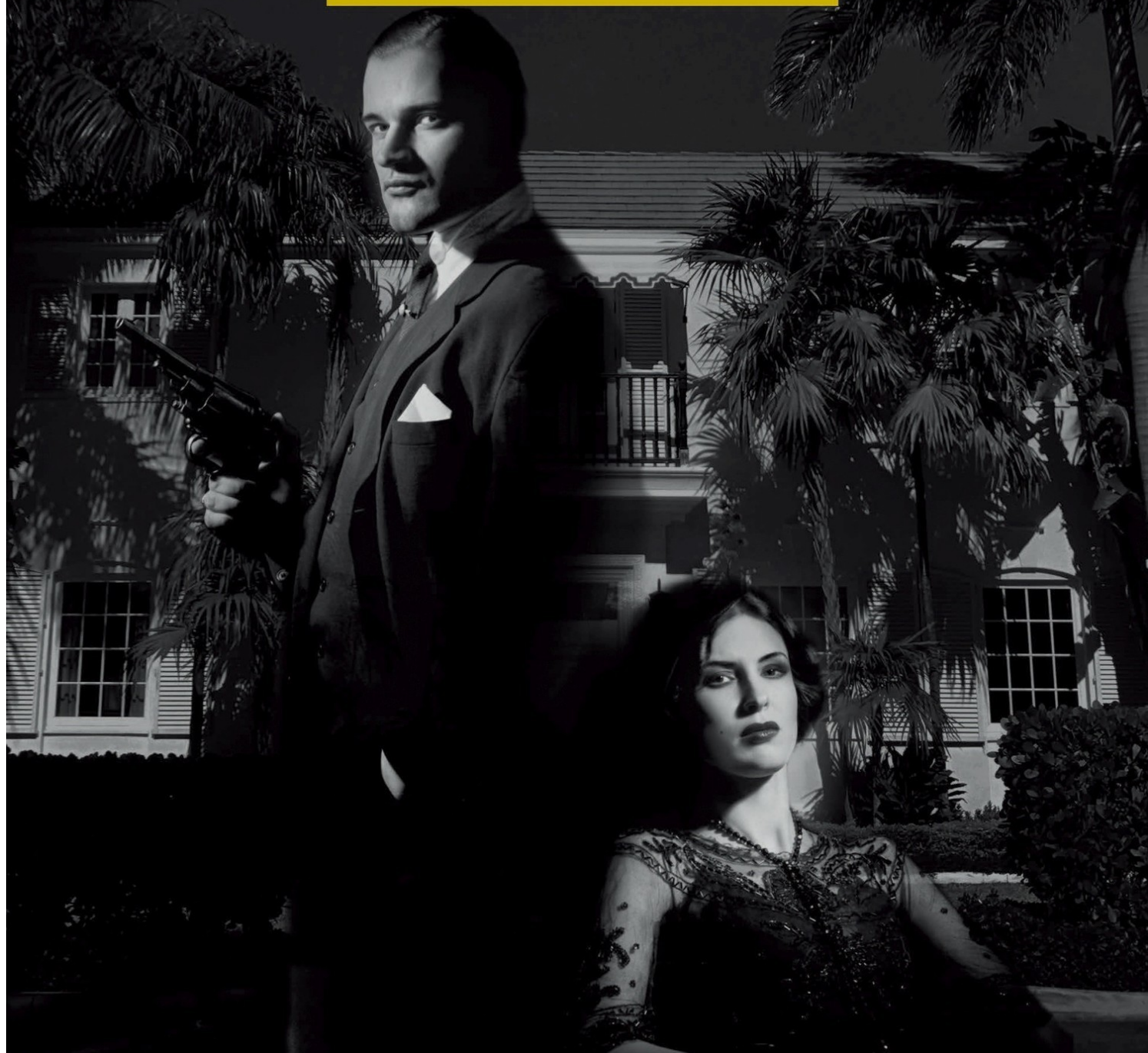

Джеймс Хэдли
Чейз

КАРТОЧНЫЙ
ДОМИК

Иностранная литература. Классика детектива

Джеймс Чейз

Карточный домик

«Азбука-Аттикус»

1965

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

Чейз Д. Х.

Карточный домик / Д. Х. Чейз — «Азбука-Аттикус»,
1965 — (Иностранная литература. Классика детектива)

ISBN 978-5-389-17397-2

За полвека писательской деятельности британский автор детективов Рене Брабазон Реймонд (1906–1985) опубликовал около девяноста криминальных романов и сменил несколько творческих псевдонимов. Самый прославленный из них — Джеймс Хэдли Чейз. «Я, как ищейка, беру след и чую, чего хочет читатель. И что он купит» — так мэтр объяснял успех своих романов, охотно раскрывая золотоносный секрет: читателей привлекают «действие и ритм». В романе «Карточный домик» (1965) действие происходит в вымышленном курортном городке с говорящим названием Парадиз — райские пейзажи которого служат декорацией для многих его детективных историй

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-389-17397-2

© Чейз Д. Х., 1965
© Азбука-Аттикус, 1965

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	17
Глава третья	29
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Джеймс Хэдли Чейз

Карточный домик

© И. Ю. Куберский, перевод, 2019

© Е. А. Королева, перевод, 2019

© А. Е. Герасимов, перевод, 1991

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2019

Издательство Иностранка®

Глава первая

Часы на стене показывали три пятьдесят ночи, когда на рабочем столе сержанта Биглера резко зазвонил телефон. Биглер, почти сорока лет, веснушчатый и крепко скроенный, хмуро посмотрел на телефон, перевел взгляд на настенные часы, затем опустил большую волосатую руку на трубку, сгреб ее и рыкнул:

– Биглер слушает! Что там?

– У меня Гарри Браунинг на линии, – ответил дежурный сержант. – Хочет поговорить с тобой. Похоже, его колбасит...

Биглер еще больше нахмурился. Гарри Браунинг был владельцем ресторана «Ла Коквилль», одного из трех самых дорогих в Парадиз-Сити. Он был близким другом мэра города, а также начальника полиции – капитана Террелла. Для Биглера он был персоной из категории избранных.

– Давай его, Чарли, – сказал Биглер. Он потянулся за сигаретой, но с огорчением обнаружил, что пачка, лежащая на столе, пуста. Последнюю чашку кофе он выпил полчаса назад. У Биглера были две слабости: кофе и сигареты. – И пошли кого-нибудь за кофе, Чарли. У меня в глотке пересохло.

– О'кей, – ответил дежурный сержант Чарли Таннер, как будто ему было приятно поручение. Он всегда посылал кого-нибудь за кофе для Биглера. – Соединяю с Браунингом.

Послышался щелчок, затем низкий голос рявкнул:

– Это ты, Биглер?

– Так точно, мистер Браунинг. Чем могу служить?

– Тут черт знает что такое! У меня в ресторане мертвая женщина! Я хочу, чтобы ты поскорее сюда приехал и забрал ее. И послушай, Биглер, может, для тебя это дело обычное, но для меня, черт возьми, это серьезно. Я не хочу шумихи. Ты меня понял? Если об этом узнает пресса, я кое с кого шкуру спущу, а если я говорю, что спущу шкуру, то мне плевать, кто это, я все равно спущу. Я ясно выражаюсь?

Сидя в большой, тускло освещенной комнате, Биглер выпрямился, забыв о жажде.

– Нет проблем, мистер Браунинг. Вам не о чем беспокоиться. Я сейчас приеду.

– Единственное, о чем я беспокоюсь, чтобы все было сделано как следует. Ты делаешь это как следует, Биглер, и я больше не беспокоюсь... и ты не беспокоишься, – сказал Браунинг и бросил трубку.

Биглер поморщился, затем понажимал на рычажок телефона. Когда дежурный сержант ответил, Биглер сказал:

– Внизу есть кто-нибудь из репортеров, Чарли?

– Гамильтон из «Сан». Он дрыхнет... полупьян. А что? Что-то случилось?

– Еще не знаю что. Слушай, Чарли, я должен уехать. Если Гамильтон спросит, где я, скажи, что я отправился домой с зубной болью. Кто еще тут на службе?

– У тебя болит зуб? – с сочувствием спросил Таннер. – Мне жаль, Джо. Я...

– Жаль не жаль, не важно, – перебил его Биглер. – Кто еще на службе?

– Мандрейк пошел за твоим кофе. – В голосе сержанта послышался укор. – Здесь еще Джексон, задницу отсидживает.

– Скажи ему, чтобы меня заменил. А Гесс есть?

– Он уже уходит.

– Задержи его! Скажи, чтобы подождал меня. Я сейчас спущусь.

Биглер не без труда напялил куртку, похлопал по заднему карману брюк, проверяя, на месте ли оружие, затем выбросил пустую пачку из-под сигарет и, покинув комнату детективов, сбежал вниз по лестнице в дежурку.

Фред Гесс, инспектор по расследованию убийств, стоял там, прислонившись к стене, с покорным выражением на толстом круглом лице.

– Еще пара минут – и ты не застал бы меня в этом курятнике, – со вздохом сказал он подошедшему Биглеру. – Что случилось?

Биглер спустился к припаркованному полицейскому автомобилю, влез в кабину и завел мотор. Гесс забрался с другой стороны и сел рядом.

– В «Ла Коквилле» мертвая женщина. Браунинг наложил в штаны...

И Биглер погнал рычащий автомобиль по пустынной Мейн-стрит.

– Убийство? – проворчал Гесс.

– Он не сказал, а я не спросил. Приедем – разберемся. Похоже, что он был не настроен отвечать на вопросы.

– Держу пари, – гоготнул Гесс, – судя по тому, что я слышал об этом притоне, труп – это последнее, чего бы им хотелось. Ты когда-нибудь там бывал, Джо?

– За свои деньги?

Биглер вел машину уже по Променаду. Возле берега на стоянке виднелось лишь несколько машин. Улица была пуста.

– Нам придется быть поаккуратней, Фред. У Браунинга в этом городе все схвачено.

– Если это убийство, то плевать, чего у него там схвачено...

– Да, но мы пока не знаем, что это убийство. Дай я сам этим займусь. У Браунинга куча влиятельных друзей.

– До сколько угодно, приятель! Я знаю, когда лучше не совать нос в чужие дела.

Ресторан «Ла Коквилль» находился в дальнем конце Променада и был окружен газонами, клумбами и подсвеченными пальмами. К внушительному входу вели три мраморные ступени. Ресторан закрылся в половине третьего, и теперь там светила лишь одинокая люстра в вестибюле, да еще встроенные в стену лампы, от которых по грубому ворсу темно-красной ковровой дорожки тянулись длинные тени.

Биглер и Гесс вылезли из машины, поднялись по ступенькам и прошли через вращающуюся дверь в нарядный вестибюль, где их ждал метрдотель Луис, высокорослый, с манерами аристократа. Луис, горделивый и полный чувства собственного достоинства, редко терял самообладание, но теперь, как отметил Биглер, его просто трясло.

– Сюда, – сказал Луис и, двигаясь большими крадущимися шагами, повел двух детективов во второй вестибюль, а затем вверх по лестнице в большой бар.

Здесь их ждал Гарри Браунинг. Он сидел у стойки бара с бокалом бренди в руке и сигарой в зубах. Браунингу было пятьдесят пять лет – лысоватый, плотный, с чисто выбритым лицом, темный загар. На нем был клетчатый пиджак, в петлицу вде́та белая гвоздика. Он выглядел, как ему и полагалось, – энергичным, богатым, властным и высокомерным.

– Она здесь, – сказал Браунинг, – в последнем боксе. – И махнул рукой в конец помещения. Там в темноте вдоль стены было несколько кабинок, выложенных дубовыми панелями. Каждая закрывалась красным бархатным занавесом.

Биглер и Гесс направились в конец зала и заглянули в кабинку. В тусклом свете они различили распростертое на столе тело светловолосой женщины. На ней было белое вечернее платье с глубоким вырезом на спине. На фоне темного дубового стола ее волосы казались золотыми.

Биглер обернулся к Браунингу:

– А можно побольше света, мистер Браунинг?

Луис прошел за стойку бара и щелкнул несколькими выключателями. В дальнем конце бара, где стояли детективы, вдруг ярко вспыхнуло несколько ламп, заставивших полицейских зажмуриться.

Биглер кивнул, вошел в кабинку и дотронулся до плеча женщины. Оно было холодным как лед, что подтверждало слова Браунинга, однако, дабы окончательно убедиться, что женщина мертва, Биглер приложил пальцы к ее шее – пульса не было.

– Лучше ее не трогать, пока мы не сделали фотографии, – сказал Гесс.

Подошел Браунинг, яростно жуя свою сигару:

– Я хочу, чтобы вы забрали ее поскорее, ребята. Пошевеливайтесь! Свои фокусы-покусы можете проделать и в морге. Если пресса пронюхает, я в пролете на целый сезон. Уберите ее отсюда!

– Ее нельзя переносить, пока мы не сделаем снимки, – отрезал Гесс. – Возможно, это убийство.

Браунинг воззрился на него:

– Кто ты такой?

Биглер выругался про себя из-за того, что Гесс открыл рот, а вслух поспешно сказал:

– Он занимается убийствами, мистер Браунинг. И конечно, прав. Возможно, тут убийство... Я...

– Это самоубийство! – сказал Браунинг с каменным лицом. – На полу шприц, и она посинела. Тут на хрен не нужно быть никаким детективом, чтобы понять, что она умерла от передозы героина. А теперь уберите ее отсюда!

Биглер заглянул под стол. На ковре лежал шприц для инъекций. Выпрямившись, Биглер взял обеими руками голову женщины и осторожно приподнял над столом, чтобы рассмотреть ее мертвое лицо. Голубоватый оттенок кожи и широко раскрытые, почти без зрачков, глаза... Что-то проворчав, он опустил голову женщины.

– Возможно, это все-таки убийство, мистер Браунинг, – спокойно заявил он. – Возможно, она не сама сделала себе укол.

– С тех пор как она пришла, никого с ней рядом не было, – нетерпеливо сказал Браунинг. – А теперь уберите ее отсюда!

– Все случаи самоубийства рассматриваются как убийства, пока мы не докажем, что это самоубийство. Я очень сожалею, мистер Браунинг, но тут не может быть никаких исключений. Глаза Браунинга загорелись злобой.

– Мне не нравятся упертые копы, Биглер. Я ничего не забываю. – Он повернулся к Луису. – Позвони-ка капитану Терреллу.

Луис поспешил к бару, а Биглер сказал:

– Простите, мистер Браунинг, но до приказа шефа мы будем действовать по инструкции. У вас есть еще телефон, по которому я сам могу позвонить?

– Ни по какому телефону, черт возьми, ты не будешь звонить, пока с тобой не поговорит Террелл! – огрызнулся Браунинг и направился к бару.

Биглер и Гесс переглянулись. Гесс ухмыльнулся. Он знал, что если топор и упадет, то не на его шею. Он обогнул Биглера и вернулся в кабинку. Рядом с мертвым телом лежала белая, расшитая золотом вечерняя сумочка. Гесс взял ее, открыл и заглянул внутрь. Он вытащил оттуда конверт, повертел в руках и передал Биглеру.

– Лучше взгляни-ка на это, Джо. Это нам.

Биглер взял конверт. Он слышал, как Браунинг тихо говорит по телефону. Он посмотрел на размашистый почерк на конверте и прочел: «В управление полиции». Биглер осторожно вскрыл конверт перочинным ножом и вынул сложенный лист бумаги. Развернув его и чувствуя на шее дыхание стоящего сзади Гесса, он прочел записку, написанную тем же размашистым почерком:

Советую заглянуть в дом по адресу: № 247, Сивью-бульвар. Он довел меня. Я это сделала. Чтобы избежать проблем, я сама уйду. Мюриэль Марии-Девон. P. S. Ключ под ковриком.

– Эй, Биглер! – позвал Браунинг. – Террелл хочет с тобой поговорить.

Держа записку, Биглер подошел к стойке бара и взял трубку у Браунинга, который отошел на несколько шагов.

– Это вы, шеф? – спросил Биглер.

– Да, – сказал Террелл. – Что там происходит, Джо?

– Мистер Браунинг сообщил, что в ресторане мертвая женщина. Я только что приехал сюда. Похоже на самоубийство: передоз героина. Тут пустой шприц, и у женщины посинело лицо. В сумочке я нашел предсмертную записку. Я вам ее прочту. – Биглер встряхнул лист с запиской и прочел, понизив голос так, чтобы Браунинг не услышал. – Кажется, она пристукнула какого-то парня. Мистер Браунинг хочет, чтобы мы убрали тело. Но я считаю, что этого не стоит делать, шеф, а вы? Не лучше ли вызвать сюда наряд?

Последовала пауза, затем Террелл спросил:

– Кто с тобой?

– Гесс.

– Оставь его с трупом, а сам езжай на Сивью-бульвар и проверь. Я вызову Лепски на тот адрес тебе в помощь. Я приеду в ресторан через двадцать минут. Скажи Гессу, чтобы вызвал наряд.

– Браунингу вряд ли это понравится, – заметил Биглер, глядя на Браунинга, который ходил туда-сюда по бару.

– Я поговорю с ним. Отправляйся, Джо.

– Еду, – сказал Биглер. Он положил трубку и направился к Браунингу, который замер на месте. – Шеф хочет поговорить с вами, мистер Браунинг.

Браунинг поспешил к телефону, а Биглер подошел к Гессу.

– Вызывай сюда наряд, Фред. Работаем по полной программе. Сюда едет шеф. – Он усмехнулся. – Я отправляюсь на Сивью-бульвар. Пока! И поаккуратней с Браунингом.

– Боюсь, что он не будет со мной аккуратничать, – поежился Гесс.

Спускаясь по лестнице, Биглер слышал громкий лающий голос Браунинга:

– Ты этого не должен делать, Фрэнк. Ты...

Его голос затих, а Биглер поспешил к выходу и окунулся в жаркий ночной воздух. Подойдя к машине, он увидел, как из темноты шагнула навстречу долговязая фигура. Это был Берт Гамильтон из газеты «Парадиз сан».

– Как твоя зубная боль? – спросил он, останавливаясь перед Биглером. – Я и не знал, что у тебя еще остались собственные зубы.

Биглер обошел его:

– Послушайся моего совета, Берт, вали отсюда. А то как бы тебе яйца не открутили.

– А кто тебе сказал, что у меня есть яйца? – спросил Гамильтон.

Он направился ко входу в ресторан, а Биглер, вырвав с подъездной дороги, помчался на Сивью-бульвар.

У Тикки Эдриса была большая шишкообразная голова, короткие и толстые руки и ноги и рост около трех с половиной футов. Он был одним из тех, кого в медицине называют ахондропластическим карликом. Последние восемь лет Эдрис работал в ресторане «Ла Коквилль» официантом и помощником в подсобке. Чванливые посетители ресторана считали потешным этого человечка с печальными глазами, быстрой утиной походкой и явно добрым нравом. Они находили извращенное удовольствие в том, чтобы им прислуживал карлик, и с годами Эдрис стал своего рода дворцовым шутком, позволяя себе в отношении гостей фамильярности, на которые не решился бы и сам Браунинг.

В рабочем переднике, подрезанном под его рост, Эдрис заканчивал протирать последний бокал, когда к нему подошел Луис, метрдотель.

– С тобой хотят поговорить, Эдрис, – сказал он. – Просто отвечай на вопросы. Чем меньше об этом будет сказано, тем лучше для мистера Браунинга.

Эдрис повесил полотенце и снял передник. Его странной формы лицо осунулось, под глазами были темные круги. Он работал без отдыха с шести утра и чувствовал себя крайне усталым.

– О'кей, мистер Луис, – сказал он, надевая белую куртку официанта, – предоставьте это мне.

Он вышел из подсобного помещения и заковылял в бар. В дальнем конце зала фотограф делал снимки мертвой женщины. Начальник полиции Террелл, высокий, светловолосый с проседью мужчина с квадратной нижней челюстью, разговаривал с Браунингом. Если бы не небритый подбородок Террелла, никто бы не поверил, что он только что поднялся с постели и явился при полном параде после телефонного разговора с Биглером.

Доктор Лоис, офицер медицинской службы, толстяк-коротышка, с нетерпением ждал, когда фотограф закончит работу.

Два дактилоскописта, что сидели у стойки бара, вожаком поглядывая на батареи бутылок, тоже ждали.

Фред Гесс и детектив третьего класса Макс Джекоби с записной книжкой в руке сидели в одной из кабинок. Гесс поднял голову и, увидев Эдриса, кивнул ему.

Эдрис вперевалку приблизился.

– Так ты и есть тот официант, который обслуживал умершую женщину? – задал вопрос Гесс.

– Да.

Гесс некоторое время изучал карлика, но, судя по всему, думал о чем-то другом. Сцепив перед собой руки-обрубки, Эдрис в свою очередь смотрел на детектива. Его лицо ничего не выражало.

– Твое имя?

– Тикки Эдвард Эдрис.

– Адрес?

– Ист-стрит, двадцать четыре, Сикомб.

Сикомб был окраиной Парадиз-Сити, где в основном жил рабочий люд с небольшими заработками.

Гесс задавал вопросы Эдрису, а Джекоби, молодой еврей с яркой внешностью, тщательно записывал ответы.

– В котором часу она появилась здесь? – спросил Гесс, закуривая сигарету.

– Чуть позже одиннадцати. А точнее, в одиннадцать часов восемь минут.

Гесс удивленно поднял брови:

– Ты в этом уверен?

– У меня свои часы.

– Она была одна?

– Да.

– Она заняла кабинку, в которой сейчас лежит?

– Нет. Это было позже, когда бар почти опустел и все перешли в ресторан. Стало много свободных мест.

– С ней было все в порядке?

Гесс не сомневался, что Террелл и Браунинг подошли и слушают. Оглянувшись, Эдрис поймал на себе настороженный взгляд Браунинга и, чуть заторопившись, сказал:

– Она была в порядке.

– Что она делала, когда зашла в кабинку?

– Села за столик. Я спросил, не ждет ли она кого-то, она сказала, что нет. Заказала виски с содовой. Я подал ей и ушел.

– Что потом случилось?

– Мне надо было спуститься в ресторан с напитками. Когда вернулся в бар, штора в ее кабинке была задернута. Я спросил у бармена, есть ли там кто-нибудь с ней, но он сказал, что она по-прежнему одна. Я подумал, что она не хочет, чтобы ее беспокоили, и не подходил.

– Ты чертовски прав: она не хотела, чтобы ее беспокоили.

– Мы закрываемся около двух тридцати. Когда большинство посетителей вышли, штора все еще была задернута, а я убирал со столов. Я постучал, но не получил ответа. Тогда я заглянул, и она была там.

– То есть тебя не было поблизости около трех с половиной часов?

– Совершенно верно. Я был занят. Я работал в подсобке. У нас была тяжелая ночь. Надо было много чего убрать и помыть.

Браунинг вдруг что-то недовольно буркнул и повернулся к Терреллу.

– Я ухожу домой, – сказал он. – Луис все закроет. Это черт знает что. Мой бизнес может рухнуть. Поторопи своих людей, Фрэнк. Я хочу, чтобы и Луис поспал.

– Мы скоро закончим, Гарри, – сказал Террелл и обменялся с Браунингом рукопожатием.

Он проследил, как тот спускается по лестнице, и подошел к доктору Лоису, который осматривал тело.

– Я сказал неправду, когда вы спросили, как она выглядела, – вдруг подал голос Эдрис. – Я хочу снова ответить на этот вопрос.

Гесс впился в него взглядом:

– Послушай, может, твоя мама считает тебя остряком, но я так не считаю. Ты, что ли, хочешь сказать, что соврал?

– Я не хочу терять работу. – Эдрис достал носовой платок и вытер вспотевшее лицо. – Мне нравится эта работа. А босс все слышал. Если бы я сказал правду, он бы тут же меня выгнал.

– А с чего ты решил, что он теперь тебя не выгонит, если ты скажешь правду?

– Если вы ему не расскажете, он ничего не узнает, верно?

Гесс внимательно смотрел на карлика, что-то обдумывая. Затем пожал плечами:

– Ладно. Значит, что-то с ней было не так?

– Да. Как только я увидел ее, сразу понял, что у нее проблемы. Она была белой как мел, и ее трясло. Я знал, что, когда она в таком состоянии, она может устроить сцену. Закричать, закатить истерику. Так что, когда я увидел, что она готова взорваться, я отвел ее в отдельную кабинку и дал выпить. Я же задернул штору. Я не хотел, чтобы она устроила сцену. Босс этого не любит.

Гесс и Джекоби переглянулись, и затем Гесс спросил:

– Ты хочешь сказать, что знаешь эту женщину?

Эдрис посмотрел через плечо на Луиса, который, стоя, разговаривал с Бертом Гамильтоном, и, понизив голос, сказал:

– Да, я ее знаю. Она жила в квартире, которая напротив моей.

– Так почему ты, черт побери, не сказал нам об этом раньше?! – прорычал Гесс.

– Вы меня об этом не спрашивали, и, кроме того, я же говорил, что мистер Браунинг все слышал. Если откроется, что я ее знал и сам отвел в кабинку, он тут же меня выгонит.

– И что ты о ней знаешь?

– Она наркоманка и проститутка. Я знаком с ней уже лет восемь.

Гесс наклонился вперед:

– То есть она была твоей девушкой, Тикки?

Эдрис некоторое время молча смотрел на Гесса своими печальными глазами, а затем сказал:

– Думаете, что любая девушка может быть моей?

– Ты посылаешь к ней богатых клиентов, и она отдавала тебе твою долю, я прав, Тикки?

– Так получилось, что она жила напротив меня, – спокойно и с достоинством ответил

Эдрис. – Иногда она со мной болтала. Думаю, я был для нее, как для всех прочих, просто каким-то уродом. То, что она болтала со мной, еще ведь не значит, что я сводник, а?

Они смотрели друг друга в глаза, пока Гесс первым не отвел взгляд.

– И о чем она болтала?

– О самом разном. О муже, о дочери, о своей жизни, о любовниках.

– Она была замужем?

– Да.

Подошел Луис:

– Вы мистер Гесс?

– В чем дело? – огрызнулся Гесс. – Я занят!

– Вас просят к телефону, – сказал Луис, задрал свой аристократический нос.

Гесс поднялся.

– Не уходи, малыш, – сказал он Эдрису. – Я еще с тобой не закончил.

Он пошел к бару и взял трубку телефона:

– Алло?

– Это Джо, – сказал Биглер. – Тут у нас убийство. Шеф с тобой?

– Да.

– Скажи ему, что я обнаружил парня, о котором было в ее записке. В нем пять дырок от пуль. Я хочу, чтобы ты приехал сюда.

– Ладно, скажу. Не слабо, да? Непохоже, что нам сегодня удастся поспать.

– Чтоб я провалился, если это не так. Поторопись, Фред.

И Биглер дал отбой.

Едва Гесс положил трубку, как в бар поднялись с раскладными носилками два санитара в белых халатах.

– Можем уже забрать тело? – спросил один из них.

– Подождите минутку, я сейчас. – Гесс вернулся к Эдрису и сказал: – О'кей, Тикки, можешь сваливать. Завтра поговорим. Придешь в нашу контору в одиннадцать утра и спросишь меня... Гесс моя фамилия.

Он повернулся к Терреллу и доктору Лоису.

– Да, можно ее забирать, – сказал Лоис, закрывая свою сумку. – Утром, к десяти, медицинское заключение будет у вас на столе. А я спать.

Гесс усмехнулся.

– Это вы так думаете, док, – бодрым тоном сказал он. – У нас для вас еще один труп. Биглер только что звонил. Он ждет вас в доме номер двести сорок семь, Сивью-бульвар.

Толстое лицо Лоиса вытянулось.

– Стало быть, мне сегодня не поспать! – возмутился он.

– А зачем таким парням, как мы, спать? – еще шире осклабил Гесс. – Мы же супермены!

Глянув на отскочившего в сторону Лоиса, Террелл резко спросил:

– В чем дело, Фред?

– Только что звонил Джо. Убийство из огнестрельного оружия. Он хочет, чтобы мы ехали туда.

Террелл взглянул на мертвое тело, лежащее на полу: худощавая, красивая женщина с хорошей фигурой, лет сорока на вид.

– Она наркоманка, Фред. Все бедра исколоты.

– Карлик наболтал мне еще кое-что. Он знал ее. Сказал, что она не только наркоманка, но и проститутка. Браунинг будет в восторге от этой новости.

Как стервятник, почуявший падаль, к ним торопливо подошел Гамильтон, репортер из «Сан».

– Оставим здесь Макса, чтобы он все тут закончил, – сказал Террелл. – Едем к Джо.

– А теперь что случилось? – спросил Гамильтон.

Это был высокий седоватый мужчина лет сорока. Кто-то сказал ему однажды, что он похож на Джеймса Стюарта, и с тех пор Гамильтон старался говорить в такой же манере, как знаменитый актер, растягивая слова, что добавляло ему еще больше сходства.

Террелл направился в дальний конец бара.

– Езжай следом и сам увидишь, – глянул он через плечо на репортера.

– Так что произошло? – спросил Гамильтон, шагая в ногу с Гессом.

– Еще один труп. Она прикончила парня, а затем покончила с собой, – сказал Гесс. – Дерьмо как раз в духе твоей газеты.

Двое мужчин прошли к выходу мимо Эдриса, он же сделал шаг назад и посмотрел им вслед. Затем проследил, как двое санитаров подняли мертвую женщину на раскладные носилки и поспешили вниз. Когда все ушли, он вернулся к себе в подсобное помещение, закрыл за собой дверь, и на его лице заиграла злобная усмешка.

Он с явным восторгом принялся танцевать, время от времени взмахивая руками-обрубками.

Сивью-бульвар соединял Парадиз-Сити с пригородом Сикомб. Ту часть бульвара, что относилась к Парадиз-Сити, украшали большие нарядные дорогие виллы. Вокруг каждой было примерно по акру земли, занятой цветущим садом, плавательным бассейном, гаражом на три машины, – все это за воротами с электронным контролем.

А в конце бульвара, где начинался Сикомб, дома были маленькими, убогими и дешевыми. Они стояли в крошечных садиках, а тротуары были исписаны мелом – там играли дети. Сивью-бульвар как нельзя лучше характеризовал американскую реальность, верхний и нижний уровень здешней жизни, имущих и неимущих, богатых и бедных.

Ночное небо на востоке начало чуть светлеть, когда сержант Биглер остановил машину у дома 247 – бунгало, скрытого разросшейся живой изгородью.

Достав электрический фонарик из бардачка машины, сержант пересек тротуар, толкнул деревянную калитку и, освещая себе путь, прошел по короткой дорожке к двери в дом. Он приподнял изрядно потертый коврик и взял ключ, о котором упоминала женщина в своей записке.

Он постоял, взглядываясь в соседний с темными окнами дом, затем, расстегнув кобуру пистолета, нажал большим пальцем на кнопку звонка. Он не ждал, что кто-нибудь ответит, но Биглер был осторожным копом. Он постоял, дабы убедиться, что в бунгало никого нет, кроме разве что мертвых. На это ему хватило двух минут, затем он вставил ключ в замочную скважину и открыл дверь.

Биглер вошел в маленький коридор, закрыл за собой дверь, посветил фонариком, отыскивая выключатель, и щелкнул им. Под потолком зажглась лампа, осветив несколько закрытых дверей в конце коридора.

Биглер был чуть удивлен, обнаружив, что, не считая грязных, некогда белых, нейлоновых занавесок, в двух передних комнатах не было никакой мебели. Третья дверь дальше по коридору вела в ванную. По влажным полотенцам на горячей сушилке и розовой губке на полке он заключил, что ванной недавно пользовались. Дверь напротив вела на кухню. Пустые пыльные шкафчики и выдвижные ящики свидетельствовали о том, что никто из живущих в бунгало здесь никогда не ел.

Он двинулся к двум дверям в конце коридора. Открыл ту, что слева, включил свет и вошел – это была спальня. С первого взгляда он понял, что это не обычная спальня. Центр комнаты занимала королевских размеров кровать. Простыни и наволочки были идеально свежими. Напротив кровати на стене висело огромное зеркало, и еще одно зеркало было на потолке.

На полу лежал толстый ковер цвета старого кларета. Стену, окрашенную в зеленый бутылочный цвет, украшали фотографии улыбающихся обнаженных девушек-моделей. По одну сторону спальни стоял большой шкаф – Биглер подошел и открыл дверцы. Он тут же понял, что перед ним коллекция реквизита для сексуальных игр, которым пользовалась девушка по вызову, – от альбомов с эротическими снимками до кнутов и плеток. Он закрыл шкаф, затем вышел из спальни и остановился перед закрытой дверью в последнюю комнату. Он сделал шаг вперед, повернул ручку и толкнул дверь.

Дверь медленно открылась. В комнате горел свет. Первое, что Биглер увидел, – это кровать, на которой лежал мужчина. Рядом на простыне валялась газета. Смерть застала мужчину за таким безобидным занятием, как чтение вечерних новостей. На нем была бело-голубая пижама, в пятнах крови на груди. Кровь также была на его сжатых в кулаки руках и на загорелой щеке.

Биглер какое-то время смотрел на него, затем вошел в комнату.

Мертвый мужчина был крепкого телосложения, с широкими плечами боксера. Коротко подстриженные волосы были черны, как тушь. Усики, толщиной в карандашную линию, придавали ему заливчатый и обольстительный вид. Он был из полка плейбоев, которые ошиваются на пляжах Парадиз-Сити, демонстрируя свои мускулы, свою мужественность и половозрелость, – помимо этих достоинств, у таких мужчин ничего не было: деньги им доставались нелегко.

На столике возле кровати стоял телефон. Биглер набрал номер ресторана «Ла Коквилль». Он только закончил разговор с Гессом, как прозвенел звонок в дверь. На пороге стоял детектив второго класса Том Лепски.

– Шеф сообщил, что здесь проблемы, – сказал Лепски, входя в коридор.

Лепски был сухощавым, высоким, молодцеватым, с голубыми, холодными как лед глазами и с загорелым лицом, изборожденным морщинами.

– Да... тут труп. Иди посмотри, – сказал Биглер и пошел обратно в спальню.

Лепски внимательно посмотрел на мертвого мужчину и сдвинул шляпу на затылок.

– Это Джонни Уильямс! – сказал он. – Так-так... наконец-то он получил свое.

– Ты знаешь его?

– Ну а как же. Он мне попадался на глаза. Один из богатых жиголо в отеле «Палас». Только что он делал в этой дыре?

Биглер порылся в ящиках шкафчика, стоявшего возле одной из стен, и вынул портмоне из свиной кожи. Внутри лежали карточка «Динер-клуба», водительские права и чековая книжка. Все это на имя Джонни Уильямса. По чековой книжке Биглер узнал, что на счету Уильямса в банке три тысячи семьсот пятьдесят шесть долларов.

– Видимо, он жил здесь, – сказал Биглер. – Загляни-ка еще в комнату напротив.

Пока Лепски находился в другой комнате, Биглер продолжил осмотр этой. Он открыл платяной шкаф – там было полно одежды Уильямса.

Вернулся Лепски.

– Ух ты, целый магазин! А что за женщина в ресторане?

– Назвалась Мюриэль Марш-Девон. Сегодня ночью покончила с собой, приняв смертельную дозу героина в «Ла Коквилле», и оставила предсмертную записку, что якобы замочила этого пижона.

Лепски склонился над мертвым мужчиной, чтобы осмотреть его грудь, затем, покривившись, сделал шаг назад.

– Да уж, разобралась с ним на все сто. Судя по всему, на клочки разнесла ему сердце.

Биглер неожиданно присел, заглянул под кроватью и аккуратно выдвинул из-под нее пистолет «кольт-автоматик» 38-го калибра. Достав носовой платок, он накрыл им оружие и осторожно взял в руку.

– В общем, дело очевидное, – сказал он. – Я не удивлюсь, если мне сегодня и часа поспать не удастся.

К бунгалу подъехал автомобиль, Лепски пошел открывать дверь и вернулся с доктором Лоисом.

– Он в вашем распоряжении, док, – сказал Биглер, махнув рукой в сторону убитого.

– Покорно благодарю! – буркнул доктор. – Теперь за мной два медицинских заключения!

– Не огорчайтесь, док, – сказал Биглер. – Вы не одиноки. – Он повернулся к Лепски. – Выйдем на свежий воздух.

Пройдя по коридору, они открыли входную дверь, вышли в садик и оба закурили.

– Забавно, что никто не сообщил о выстрелах, – сказал Лепски, кивнув на бунгало напротив.

– Может, они в отъезде, – предположил Биглер. – Кроме того, этот конец Сикомба как бы сам по себе. Что-нибудь о нем знаешь? Я на этой службе уже десять лет и ни разу даже писка из Сикомба не слышал.

– Я все думаю, почему она грохнула Джонни? А главное, почему он связался с двухдолларовой шлюхой?

– Нет, она была не такой – много лучше. Я видел ее. Хорошо одета, следила за собой. Большинство мужиков, кто пользуется проститутками, любят заниматься этим в убогой обстановке. Не спрашивай меня почему.

– И не буду, – примирительно зевнул Лепски. – Лучше бы шеф не вытаскивал меня из постели.

– Вон они едут, – сказал Биглер, глядя, как по широкому бульвару приближаются две машины, освещая один за другим убогие местные дома.

Спустя полчаса из бунгало вышел доктор Лоис и присоединился к капитану полиции Терреллу, который с трубкой в зубах сидел в машине и терпеливо ожидал докладов своих подчиненных.

– Я думаю, его застрелили около десяти вечера, – сказал Лоис. – Пять пуль в сердце. Метко стреляли, но она и не могла бы промахнуться. Она стреляла с расстояния в один фут. Я напишу заключение к одиннадцати часам. Подойдет?

Террелл кивнул:

– Как и положено, док. Ладно, вы свободны, еще можете вздремнуть.

Когда Лоис уехал, из бунгало вышел Берт Гамильтон. Он уже надиктовал в редакцию по телефону свое сообщение.

– Что-то больно круто, – сказал он Терреллу. – У вас есть какие-нибудь идеи, почему она застрелила его?

– Как раз это я и должен выяснить, – ответил Террелл, вылезая из машины. – Еще увидимся, Берт.

И, пройдя мимо репортера, он вошел в бунгало.

Биглер и Гесс разговаривали в коридоре.

– Здесь все ясно, сэр, – сказал Гесс. – Можно сказать, чисто сработано.

– Похоже, что так, – кивнул Террелл. – Но скорее, все не так просто. Вы, парни, вдвоем отправляйтесь на Ист-стрит и осмотрите ее квартиру. Сверьте ее почерк с тем, что в предсмертной записке. Я думаю, тут случай очевидный, но проверить не помешает. Надо еще раз поговорить с карликом. Похоже, ему много что известно. Может, он нам и скажет, почему она

застрелила Уильямса. Мне нужен ваш письменный доклад к десяти утра, так что пошевеливайтесь, парни.

Гесс подавил стон:

– О'кей, шеф.

Террелл прошел в спальню, где лежал убитый. Лепски стоял, прислонившись к стене, и болтал с экспертами. Они уже сняли отпечатки пальцев и теперь складывали инструменты.

– Том, – сказал Террелл, – разузнай, не слышал ли кто-нибудь выстрелов. Обойди все дома поблизости. И добудь хоть что-то об Уильямсе.

– Вы хотите, чтобы я начал прямо сейчас, шеф? – спросил Лепски. – Но ведь еще только шесть утра! Я что, должен вытаскивать людей из постели?

Террелл проворчал:

– Ладно, начнешь через полчаса. На этом конце бульвара встают рано. – Услышав звук приближающегося автомобиля, он продолжил: – А вот и санитарная машина. Заканчивай тут. – Затем он повернулся к дактилоскопистам. – Нашли что-нибудь?

– Куча отпечатков, – сказал один из них. – Эта комната не убиралась месяцами. В основном это его отпечатки, но есть и другие. Мы все их проверим.

Террелл кивнул, затем вернулся ко входу, куда уже подъехала санитарная машина. Он сказал санитарам, где лежит тело, сел в машину и поехал в полицейское управление.

Глава вторая

Через несколько минут после того, как Террелл и его люди покинули ресторан «Ла Коквилль» и отправились на Сивью-бульвар, Тикки Эдрис снял рабочую куртку и надел легкое светло-серое пальто. Затем он приковылял к двери и заглянул в бар.

Луис и Джекоби разговаривали, стоя возле лестницы.

– Я пойду домой, мистер Луис? – сказал своим гнусавым голосом Эдрис. – Все в порядке?

Луис махнул ему, не прерывая разговора с Джекоби. Эдрис повернул назад, решив воспользоваться служебным ходом, – поспешно и суетливо скатился по ступенькам к стоянке, предназначенной для машин обслуживающего персонала. Он вприпрыжку направился к двум машинам, стоявшим на парковке: одна была «мини-купер», другая – «бьюик-роадмастер», с откидным верхом.

За рулем «бьюика» сидел широкоплечий мужчина с сигаретой в зубах. На нем были коричневая соломенная шляпа и хорошо сшитый бежевый костюм, а также идеально чистая белая рубашка и дорогой строгий галстук. Густые светлые волосы красиво обрамляли его загорелое лицо. Он был хорош собой, моложавый тридцативосьмилетний мужчина. Глубокая ямочка на подбородке придавала его лицу особый шарм.

Его можно было принять за преуспевающего юриста, представителя банка или даже начинающего политика. Но он не был ни юристом, ни представителем банка, ни политиком. Фил Алгир использовал свою привлекательную внешность, весь запас своих знаний и весь свой шарм для того, чтобы разводить жадных богачей на деньги. Это был аферист, который провел в тюрьме четырнадцать лет жизни и который покинул Нью-Йорк и поспешил во Флориду в тот самый момент, когда был выписан ордер на его арест. Фил тихо обосновался в Парадиз-Сити, испытывая нехватку денежных средств и опасаясь раскручивать хитроумные мошеннические схемы, поскольку знал, что если его снова поймают, то упекут еще на четырнадцать лет.

За привлекательной, внушающей доверие внешностью Алгира скрывалась порочная и безжалостная личность. До этой ночи Фил ухитрялся добывать деньги, не прибегая к насилию, но сегодня маска законопослушности была сброшена. Если бы дело, которое он спланировал вместе с карликом, раскрылось, он схлопотал бы уже не четырнадцать лет тюремного заключения. Его ждала бы газовая камера. Но он был уверен в Эдрисе и в себе. На сей раз все должно, просто обязано было получиться.

– Все идет как по маслу, – сказал Эдрис, держась короткими толстыми пальцами за дверцу машины. – Без шума и пыли. А у тебя порядок?

– Да.

– Они отправились в то бунгало. Затем заявятся на Ист-стрит. Тебе пора ехать, Фил. Ты знаешь, что делать.

– Да. – Алгир завел мотор. – Думаешь, их устраивает версия, что она покончила с собой?

– Похоже на то. Я слежу за Терреллом. Он парень с головой. Не показывайся в школе до полвосьмого.

– Знаю... знаю... Мы это уже сто раз обсудили, разве нет? Ты делаешь свою часть, я – свою.

Эдрис сделал шаг назад, и, коротко кивнув, Алгир выкатил «бьюик» со стоянки. Эдрис проследил, как скрылись вдали задние огни машины, затем повернулся и залез в свой «мини». На педали сцепления, тормоза и газа был наращенный толстый слой пробки, чтобы короткие ноги карлика могли достать до них. Эдрис был опытным водителем и любил быструю езду. За семнадцать лет у него не было ни одного дорожного происшествия.

Он быстро выехал из Парадиз-Сити, погнав свой «мини» по шоссе на скорости восемьдесят миль в час. Но, приблизившись к дому номер 247 по Сивью-бульвар, он сбросил скорость

и поехал мимо гораздо медленнее, рассматривая полицейские машины, стоявшие возле бунгало. Еще через десять минут он был на Ист-стрит. Оставив машину перед многоквартирным домом, он поднялся на лифте на самый верхний этаж и вошел в двухкомнатную квартиру, где жил последние восемь лет.

Квартира состояла из большой гостиной, маленькой спальни, кухоньки и ванной. К своей гостиной он относился с большим вниманием, тщательно, со вкусом подбирал и покупал мебель и постепенно превратил квартиру в довольно нарядное и уютное гнездышко. Кофейный столик он использовал как обеденный, и у него имелись миниатюрные стул и кресло, сделанные специально под его рост. Остальная мебель была нормального размера, поскольку время от времени Эдрис любил принимать гостей и ему хотелось, чтобы и им было комфортно.

В спальне он сбросил с себя одежду и поспешил в ванную. Нелепый в своей наготе, он танцевал под прохладными струями душа, хлопая в ладоши и что-то напевая себе под нос. Затем насухо вытерся, надел голубую с золотом пижаму, а сверху голубой домашний халат. Войдя в гостиную, он открыл домашний мини-бар, налил себе виски, добавил содовой, затем уселся в кресло и вытянул ноги, положив их на маленькую скамеечку. Он сделал пару глотков, поставил стакан и закурил сигарету. Посидел так несколько минут, расслабившись, глубоко затягиваясь сигаретным дымом и выпуская его через широкие ноздри.

Затем он посмотрел на миниатюрные дамские часики на запястье. Шесть тридцать утра. Филу понадобится почти час, чтобы добраться до Большого Майами. Если все пойдет хорошо, Фил вернется в Парадиз-Сити к половине девятого. Так что от него не будет никаких известий до половины десятого или даже до десяти.

Эдрис допил виски, зевнул и погасил сигарету. Он бы предпочел отправиться в постель, но знал, что если ляжет, то уснет, а это непозволительно. Он не должен быть сонным и рассеянным, когда явятся копы.

Тикки поднялся с кресла, вернулся с пустым стаканом к мини-бару, сделал себе еще одну порцию выпивки. Эдрис серьезно выпивал, но казалось, что он может выпить довольно много, не пьянея при этом. Однако с вечера он испытывал большое напряжение и теперь чувствовал себя разбитым. Он заставил себя пить как можно медленнее, чтобы потом не разоткровенничаться под воздействием алкоголя.

Он заканчивал вторую порцию виски, когда услышал, как внизу подъехала машина. Эдрис удержался от того, чтобы выглянуть в окно. Копы не должны заметить, что он за ними следит. Он отнес стакан на кухню и помыл. Затем вышел в холл и, стоя возле входной двери, прислушался.

Биглер взял ключ от квартиры умершей женщины у консьержа, который равнодушно пожал плечами, когда полицейский сообщил ему о смерти квартиросъемщицы. На вопросы Биглера он ответил, что был мало знаком с этой женщиной, знал только, что ее фамилия Марш и что она всегда аккуратно платила за квартиру, никогда не выходила из дома по утрам, а только во второй половине дня и возвращалась очень поздно. Писем получала мало, и гости у нее бывали редко.

Отчаянно зевая, Гесс вслед за Биглером вошел в кабину лифта, который поднял их на последний этаж. Оказавшись в двухкомнатных апартаментах, они осмотрелись.

Гостиная была прекрасно меблирована, в углу стоял большой телевизор. Спальню занимали шкафчики с одеждой и двуспальная кровать. На туалетном столике стояли две фотографии в серебряных рамках: на одной – привлекательный темноволосый мужчина лет тридцати, на другой – светловолосая девушка шестнадцати-семнадцати лет, подстриженная под мальчика. Тонкие, изящные черты лица, маленький задорный нос и большой рот делали ее похожей на очаровательного проказливого эльфа.

Тщательный осмотр ящиков и шкафов мало что дал, кроме коллекции неоплаченных счетов и писем, начинавшихся словами «Дорогая мамочка...» и заканчивавшихся так: «С любовью, Норена». На всех письмах был один адрес: «Общеобразовательный колледж Грэхема, Большой Майами».

Гесс обнаружил образцы почерка покойной и сравнил их с почерком в предсмертной записке, – похоже, они были написаны одной и той же рукой.

Биглер, прочитавший несколько писем от девушки с именем Норена, посмотрел на Гесса.

– Должно быть, это ее дочь, – сказал он, кивнув в сторону фотографии на туалетном столике. – Славная малышка. Интересно, кто ее отец?

– Может быть, карлик знает. Пойдем поговорим с ним. Он живет как раз напротив.

Двое мужчин вышли на лестничную площадку, и Гесс позвонил в квартиру Эдриса.

Дверь, хотя и не сразу, открылась, и Эдрис вопросительно посмотрел на них.

– О! – сказал он, делая шаг назад. – Входите, джентльмены. Я как раз готовлю кофе. Не желаете?

– Не откажемся, – сказал Биглер, и детективы вошли в гостиную.

– Почему ты еще не в постели, Тикки? – спросил Гесс.

– Мне без кофе не заснуть. Я мигом.

И Эдрис вприпрыжку бросился на кухню.

– Ну, крутой парень, – сказал Гесс. Он окинул взглядом комнату. – Господи! Да у него тут чертово персональное креслице!

– А почему нет? – сказал Биглер, опускаясь на кушетку. – Ты бы хотел быть карликом?

Гесс на миг задумался и, пожав плечами, сел:

– Что об этом говорить? Я не карлик.

Эдрис вернулся с подносом, на котором было все для кофе. Он наполнил три чашки: две для гостей, а с третьей уселся в свое креслице, опять вытянув ноги и устроив ступни на скамеечке.

Все трое сделали по несколько глотков, и Биглер, считавший себя знатоком кофе, одобритительно кивнул:

– Отличный кофе! Ты правильно его приготовил.

Эдрис улыбнулся:

– Да так себе. В кофе я не очень разбираюсь.

– Бог с ним, с кофе, – вмешался Гесс. – Давай послушаем, что ты знаешь об этой женщине. В спальне фото ее мужа?

Эдрис был слишком умен, чтобы оказаться в такой очевидной ловушке.

– Откуда мне знать? Я никогда не был в ее спальне.

Гесс испытующе посмотрел на него, затем встал, вышел, принес из квартиры напротив две фотографии и показал их Эдрису.

– Кто он?

– Это не муж. Это ее любовник, с которым она убежала когда-то. Его звали Генри Льюис. Он погиб в автомобильной катастрофе примерно пятнадцать лет назад.

– А это ее дочка?

– Верно.

– Где она?

– В колледже Грэхема в Большом Майами.

– Ее муж жив?

– Жив.

– Кто он?

– Мэлвилл Девон.

– Ты знаешь, где он живет?

– Где-то в Парадиз-Сити, не знаю, где именно.

– Ты говоришь, что она сбежала с этим парнем, Льюисом. Она бросила своего мужа из-за него?

– Да. Судя по ее рассказам, она не могла ужиться с Девонем. Он был из таких серьезных парней, постоянно занят работой. Меньше чем через два года после свадьбы она встретила Льюиса. Он был при деньгах. Вот она и сбежала с ним. Пятнадцать лет назад. Она взяла с собой малышку. Льюис любил детей. Год они прожили душа в душу, а затем он погиб.

Гесс внимательно посмотрел на Эдриса:

– И она тебе все это рассказала?

– Да, но не за один раз. Когда ей бывало тоскливо, она приходила сюда и часами сидела и молчала. А затем начинала говорить, но могла оборвать себя на полуслове. Когда умер Льюис, она осталась без денег. Они собирались пожениться, как только Мюриэль получит развод. Она отдала ребенка опекунам и стала работать в отеле регистратором. – Эдрис сделал паузу, чтобы допить кофе, затем налил себе еще чашку и подвинул кофеварку к Биглеру. – Она попала в плохую компанию. Через какое-то время стала колотиться. Ее вышвырнули из отеля. У нее не было денег на наркоту, поэтому она пошла на улицу. Какой-то уже пожилой тип снял ей квартиру. Пять лет она жила довольно хорошо, пока он не умер. Она послала Норену – так зовут ее дочь – в школу-интернат. Они встречались только во время каникул. У них была традиция – ездить в Нью-Йорк. Здесь они проводили очень мало времени. Она уже не могла жить без наркотиков и уехала из Нью-Йорка сюда. А затем появился Джонни Уильямс. – Эдрис вновь замолчал и посмотрел на Гесса. – Может, вам лучше поговорить с ним. Он знает о Мюриэль больше, чем я.

Гесс налил себе еще чашку кофе:

– Уильямс мертв. Она убила его. Почему она не сказала тебе об этом, Тикки? Она ведь все тебе рассказывала? Почему она не сказала тебе, что всадила в него пять пуль, прежде чем прийти в «Ла Коквилль»?

Эдрис замер, его глаза затуманились и стали похожи на глаза спаниеля.

– Она не сказала мне. Я подумал: случилось что-то скверное, но она была пьяна... я не слышал от нее ничего внятного. Так она убила его! Ну, он это заслужил. Грязный ублюдок, трижды сукин сын!

– А почему он это заслужил? – спросил Биглер.

– Она делала для этого тупицы все, что могла. Она содержала его, покупала ему одежду, оплачивала его жилье. Она сходила по нему с ума! Он ободрал ее до нитки. Последние полгода или около того он приударял за пожилыми женщинами из «Паласа». Он нашел себе одну богачку. И Мюриэль оказалась не нужна. С наркотой она зашла слишком далеко, потеряла даже клиентов. Но ей надо было платить за школу и оплачивать все прочие счета. А у Джонни действительно появились деньги. Но когда она пыталась одолжить у него, он поднимал ее на смех. Полагаю, он слишком часто смеялся над ней.

– А что дочь? Она имела хоть какое-то представление о том, что происходит?

– Нет. На каникулы Мюриэль брала ее в морские путешествия. Не хотела, чтобы дочь слишком часто приходила в ее квартиру. На эти каникулы она мечтала взять Норену в Вест-Индию, но у нее не было денег, а Джонни ее не поддержал.

– Ты же был ее лучшим другом... почему ты не поддержал ее, Тикки?

– Она бы у меня не взяла, я предлагал, но она не позволяла себе брать у меня деньги.

– Почему нет? Ты был ее лучшим другом, разве не с тобой она была всегда откровенна?

Эдрис многозначительно посмотрел на Гесса, взгляд его стал твердым.

– Полагаю, она считала, что я заслуживаю большего сочувствия, чем она. Она не видела во мне полноценного человека. Я был для нее просто кем-то, с кем можно поболтать.

Гесс фыркнул:

– Она говорила, что сочувствует тебе?

– Да.

– Так что ты сберег свои денежки, верно, Тикки?

– У меня нет таких денег, чтобы их беречь, – сказал Эдрис.

– Да ладно. Бьюсь об заклад, ты своими выходками и остроумиями огребаешь кучу чаевых. Биглер сказал с нетерпением в голосе:

– Кончай, Фред. Это не наше дело.

– Ой, не уверен. Я думаю, этот уродец что-то слишком умен, – сказал Гесс, волком взглянув на Эдриса. – Неужели Мюриэль не намекнула недомерку, что прикончила Уильямса?

– Нет.

Гесс начал разворачивать сверток с пистолетом.

– У нее было оружие, Тикки?

– Не думаю... Возможно, достала где-то. Не знаю.

– А кто продавал ей наркотики?

– Откуда мне знать?

– Не ты ли?

– Нет.

Гесс кинул в рот жевательную резинку, о чем-то подумал, глядя на свои массивные руки, затем пожал плечами и встал:

– Думаю, это все. У тебя остались какие-то вопросы, Джо?

– Нет! – тоже вставая, сказал Биглер.

– Хорошо, тогда уходим.

И оба детектива направились к двери. Эдрис проводил их взглядом, так и оставшись сидеть – ноги на скамеечке.

– Спасибо за кофе, – уже у двери сказал Биглер.

– Не лезь в неприятности, недомерок, – добавил Гесс.

И они вышли, закрыв за собой дверь.

Несколько минут Эдрис оставался неподвижен. Лицо его горело, кровь стучала в висках, глаза сверкали. Короткие пальцы впились в ручки кресла. Эдрис пытался справиться с яростью.

Затем, когда стрелки на часах показали четверть восьмого, он встал, подошел к телефону и набрал номер. В ожидании ответа закурил.

– Общеобразовательный колледж Грэхэма, – произнес женский голос.

– Я хочу поговорить с доктором Грэхемом, – сказал Эдрис. – Это очень срочно.

– Представьтесь, пожалуйста.

– Мое имя Эдвард Эдрис. Дело касается Норены Девон, одной из ваших учениц. Это срочно.

– Подождите минутку.

Эдрис затаился дымом и выпустил его через ноздри.

После небольшой паузы из трубки раздался мужской голос:

– Доктор Грэхем слушает.

– Доктор, это Эдвард Эдрис. Я друг семьи Девон. Норена хорошо меня знает. Произошло несчастье, ее мать очень серьезно пострадала.

– Прискорбно это слышать. Чем я могу помочь, мистер Эдрис?

– Вы можете сообщить это Норене? Только не говорите, насколько все серьезно. Просто скажите, что произошел несчастный случай. Мистер Грэхем, в данный момент мистер Стэнли Теббел, адвокат миссис Девон, как раз находится в Большом Майами. Я уже переговорил с ним. Поскольку ему нужно немедленно вернуться в Парадиз-Сити, он готов привезти и Норену. Это бы сэкономило время. Мать хочет ее видеть.

Эдрис замолчал. Напряжение нарастало. Это был решающий момент разговора. Согласится ли Грэхем, или с ним будут проблемы?

– Мистер... как вы сказали? – после паузы отозвался Грэхем.

– Стэнли Теббел.

– Норена знает этого джентльмена?

– Возможно, она слышала о нем. Не думаю, что они встречались. Доктор Грэхем, я понимаю, о чем вы сейчас думаете. Разве можно отпустить семнадцатилетнюю девушку с незнакомым мужчиной... Я отдаю должное вашей предусмотрительности. Но это крайне срочно... По правде говоря, мать Норены умирает. Давайте сделаем так: вы сообщите Норене о матери, скажете, что это я звонил, она меня хорошо знает. Пусть она мне позвонит, и я объясню ей все, что надо, насчет мистера Теббела. Мой номер телефона: Сикомб, пятьсот пятьдесят шесть.

Снова возникла пауза, затем доктор Грэхем сказал:

– В этом нет необходимости, мистер Эдрис. Как только мистер Теббел появится, я позову Норену. Очень сожалею о случившемся.

– Спасибо, доктор!

– Норена будет готова через полчаса. Доброго вам дня, мистер Эдрис. – И он повесил трубку.

Эдрис тоже положил трубку. Рот его исказился в хитрой и злой усмешке. Он вдруг запрыгал, раскидывая свои короткие ноги, как в казацком танце, и прихлопывая куцыми ручками.

Его зловещая маленькая фигурка еще долго кружила в танце по комнате.

Доктор Уильям Грэхем, высокий лысеющий мужчина, заложив костлявые руки за спину, с усталым видом ходил по своему большому кабинету. До окончания семестра оставалось три дня, и у него еще было много дел, но он не мог ничем заняться, пока не разрешит эту печальную ситуацию с Нореной, одной из лучших своих учениц.

Он уже виделся с девушкой и все ей сообщил. Он сказал также, что скоро за ней заедет адвокат ее матери и отвезет домой.

Норену нельзя было назвать особо привлекательной: бледный цвет лица, очки в голубой пластмассовой оправе, однако она была хорошо сложена и следила за собой и за своими блестящими, как атлас, белокурыми волосами.

– Мама... она умирает? – спросила девушка.

– Она в тяжелом состоянии, Норена. Крепись. Думаю, мистер Эдрис сказал бы мне, если бы дела были совсем плохи, но она в тяжелом состоянии. – Сказать всю правду Грэхем не решился.

Он так и продолжал ходить взад-вперед по кабинету, когда его известили о приезде мистера Стэнли Теббела.

– Пригласите его сюда, – сказал Грэхем.

Фил Алгир, с соломенной шляпой в руке, вошел в кабинет. На его смазливом лице было подобающее случаю выражение озабоченности, печали и дружелюбия, что тут же расположило к нему Грэхема. То, как Алгир был одет, тоже говорило в его пользу. Без сомнения, это был достойный человек, чья искренность со всей очевидностью читалась на его лице.

– Извините, что так рано вас побеспокоил, – сказал Алгир сочным баритоном. Он позволил себе скорбную полуулыбку. – Могу себе представить, насколько вы сейчас, в конце семестра, заняты. Но к сожалению, дело срочное, и мне пришлось немедленно приехать.

– Да, конечно. – Доктор Грэхем указал на стул. – Пожалуйста, садитесь. Как миссис Девон?

Алгир сел и покачал головой:

– Боюсь, что очень плохо. Вы уже сообщили Норене?

– Да, разумеется. Она, естественно, в шоке, но я не сказал, что мать в критическом состоянии.

– Да, боюсь, что в критическом. Надо поторопиться. Как бы не оказалось поздно.

– Уверен, Норена уже собралась. – Грэхем нажал кнопку звонка на столе. – В каком госпитале миссис Девон?

Готовый к такому вопросу, Алгир не задумываясь ответил:

– Я не знаю. Все случилось так быстро. Мистер Эдрис забыл мне сказать. Я предполагаю заехать сначала к нему, а затем в госпиталь. Мы известим вас, доктор.

В кабинет вошла секретарша.

– Пожалуйста, передайте мисс Девон, что мы готовы, – сказал Грэхем.

Едва секретарша вышла, Алгир встал и подошел к большому окну. Ему надо было отвлечь внимание Грэхема и таким образом избежать щекотливых вопросов. Сквозь стекло он смотрел на школьную территорию.

– У вас тут прекрасное место, доктор. Рад, что увидел. Мне часто попадаются клиенты, которые ищут хорошую школу для дочерей. Я буду счастлив рекомендовать им вашу.

Грэхем засиял:

– Вы очень добры, мистер Теббел. Тогда, может, возьмете с собой наши рекламные проспекты?

– Обязательно.

Доктор Грэхем достал несколько буклетов, и Алгир стал их нарочито придирчиво изучать, задавая вопросы, дабы избежать разговора о Норене.

Наконец раздался стук в дверь, и Грэхем поспешил ее открыть.

– Входи, Норена. Мистер Теббел уже здесь.

Девушка вошла и, смутившись, остановилась посреди кабинета. На ней были серая плиссированная юбка, белая блузка, маленькая черная шляпка и черные туфли. Через руку перекинута короткое пальто такого же цвета, что и юбка. Одета во все лучшее, что у нее было, она выглядела, как подобает серьезной девушке из колледжа.

Грэхем заметил, что она плакала. Ее глаза за стеклами очков покраснели, веки опухли. Она была очень бледна, но держалась неплохо и даже смогла слабо улыбнуться Алгиру, подошедшему к ней со скорбной, но дружеской улыбкой.

– Мы не встречались раньше, Норена, – сказал он, протягивая руку. – Последнее время я занимался делами твоей мамы. Она часто рассказывала мне о тебе. Я, конечно, предпочел бы, чтобы мы встретились при более благоприятных обстоятельствах.

– Да, мистер Теббел, – сказала Норена и отвернулась, пытаясь справиться с нахлынувшими эмоциями.

– Мы уезжаем, – сказал Алгир Грэхему. – Я позвоню вам, как только узнаю что-нибудь. – Он повернулся к Норе. – Моя машина у ворот. Можешь идти садиться, Норена.

Грэхем взял девушку за руку:

– До свидания, Норена. Держись. Все образуется, все будет хорошо.

– До свидания, доктор, и спасибо, – сказала она и быстро вышла из кабинета.

– А ее багаж? – спросил Алгир. – Не думаю, что она вернется. Это ведь ее последний семестр?

– Да, последний. Она взяла только сумку. Остальное мы пришьем на ее домашний адрес.

– Отлично. Будем надеяться...

Мужчины пожали друг другу руки, и Алгир поспешил вниз по лестнице. Затем он влез в «бьюик» и сел рядом с Нореной.

Длинной подъездной аллеей они выехали на Алейн-стрит, поехали по прекрасной дороге, ведущей к главной улице. Алгир с видимой небрежностью вел машину по Большому Майами. Его так и подмывало сильнее нажать на газ, но он понимал, что авария или нарушение правил

дорожного движения могут испортить самый отчаянный план, который он когда-либо принимал ради больших денег.

Когда он пытался выбраться из плотного потока грузовиков, направлявшихся к Флорида-Кис, Норена, поколебавшись, спросила:

– Мистер Теббел, моя мама действительно в тяжелом состоянии?

– С ней все довольно скверно, Норена, – сказал Алгир. – Но ты держись. Все равно сейчас мы ничем не можем ей помочь.

– Ее сбила машина?

– Да. Мама вышла на шоссе, и у водителя не было возможности тут же затормозить.

– Она... она была пьяна?

Алгир напрягся. Он взглянул на девочку краем глаза: она смотрела перед собой в лобовое стекло, была бледна и замкнута.

– Пьяна? – переспросил он. – Что ты имеешь в виду? Нехорошо так говорить о своей маме, Норена.

– Для меня мама дороже всех людей на свете, – сказала девушка с таким страстным вызовом, что Алгир поморщился. – Я понимаю ее. Я знаю, через что она прошла. Я знаю, что она делала для меня все, что только было в ее силах. Она жертвовала собой ради меня. Я знаю, что она выпивает. Она была пьяна?

Алгир неловко заерзал на водительском месте.

– Нет, – наконец сказал он. – А теперь послушай, Норена. Я должен кое о чем подумать. Я занимаюсь этим несчастным случаем. А ты ведь можешь посидеть тихо и спокойно? Не волнуйся. Я постараюсь как можно скорее привезти тебя к маме, хорошо?

– Да. Простите, что мешаю вам.

Алгир снова поморщился. Его большие загорелые руки крепко сжали руль. Он не желал знать эту девицу. Уж лучше бы она оставалась совершенно неизвестной ему, как тот совершенно неизвестный Джонни Уильямс. Проникнуть в спальню Уильямса и всадить пять пуль ему в сердце было довольно просто. Он не знал этого парня. Это было все равно что стрелять по манекену. Если он позволит этой девице разговаривать, если между ними возникнет какой-то психологический контакт, как он сможет ее убить?

Даже несколько слов, произнесенных ею, расстроили его. Лицо покрылось холодным потом, а изнутри его до тошноты терзал ужас.

Он миновал перегруженную автомагистраль из Майами и теперь находился на первом широком участке скоростного шоссе 4А. Он наклонился к лобовому стеклу, его глаза нацелились на дорогу, и, нажав до упора педаль газа, он погнал машину вперед.

Самолет, прибывший в аэропорт Майами ночным рейсом из Нью-Йорка, приземлился точно по расписанию. Когда пассажиры собрались в зале прибытия, стрелки часов на стене показывали семь тридцать утра.

Среди пассажиров была стройная девушка семнадцати лет. Привлекательное, с точеными чертами лицо делало ее немножко похожей на эльфа. На ней были белый платок, зеленая замшевая куртка, черные лосины, туфли-лодочки и белый шарф, замотанный на шее. Бюстгальтер провокационно поднимал ее грудь, а ее маленькие аккуратные ягодички поигрывали при ходьбе с таким изяществом, что никто из мужчин не мог отвести от них глаз.

Вела она себя весьма самоуверенно. В пухлых красных губах была зажата сигарета, взгляд голубых глаз был тверже кремня, а когда мужчины в упор смотрели на нее, она с вызовом смотрела в ответ – презрительно и враждебно.

Айра Марш, младшая сестра Мюриэль Марш-Девон, выросла в трущобах Бруклина. Ее сестра была на двадцать два года старше и покинула семью, исчезнув в неизвестном направлении, еще до рождения Айры.

Мать родила одиннадцать детей – Айра была последней в этом выводке. Четверо ее братьев погибли в автомобильной катастрофе – водитель за рулем был пьян. Два других брата получили пожизненное заключение за вооруженный грабеж. Четыре сестры, включая и Мюриэль, просто уехали из родного дома, и о них ничего не было известно. Если бы не Тикки Эдрис, Айра никогда бы не узнала, что ее старшая сестра проститутка и наркоманка. Нельзя сказать, что она придала этому какое-то значение. Братья и сестры значили для нее не больше, чем алкоголик-отец, от которого она запиралась в спальне.

Однажды вечером, примерно четыре месяца назад, возле многоквартирного дома, где она жила, ее поджидал, сидя в красном «мини-купере», улыбающийся карлик. Айра возвращалась из общественных бань, где она чудесно провела целый час, подставляя свое прекрасное маленькое тело под струи горячей воды, мо́я голову, готовясь к танцам в ночном клубе, куда она всегда ходила в ночь на воскресенье.

Завидев ее, карлик выскользнул из «мини-купера» и предстал перед ней. На нем были коричневая спортивная куртка с накладными карманами, серые фланелевые брюки и коричневая бейсбольная кепка, легкомысленно сдвинутая набекрень к правому глазу.

– Если ты Айра Марш, – внимательно глядя на нее и радостно улыбаясь, сказал он, – то я хотел бы поговорить с тобой.

Она недоуменно посмотрела сверху вниз на маленького человека, нахмурилась и резко ответила:

– Прочь с дороги, Мальчик-с-пальчик. С какой стати мне с тобой разговаривать?

Эдрис хохотнул:

– Это касается твоей сестры Мюриэль. Не задирай нос, малышка. Мы с Мюриэль друзья.

На них уже зыркали женщины, сидящие на железных балконах многоквартирного дома. Дети бросили уличные игры и потянулись к машине, улюлюкая и тыча пальцами в карлика.

Айра быстро приняла решение. Она помнила лишь имя сестры, и ей вдруг захотелось узнать о ней больше. Она подошла к машине и села на пассажирское место. Эдрис проковылял вокруг машины, сел в кресло водителя и поехал по улице, сопровождаемый криками мелюзги, которая тут же осталась далеко позади.

– Меня зовут Тикки Эдрис, – сказал он, ведя машину. – Хочу предложить тебе одно дельце, которое может принести нам с тобой деньги.

– Почему мне? – спросила Айра. – Вы про меня ничего не знаете. Почему мне?

– Нет ничего такого, чего бы я про тебя не знал, – ответил Эдрис.

Он притормозил у свободного места на стоянке возле дома и припарковался.

С месяц назад в приступе очередной хандры Мюриэль упомянула о своей самой младшей сестре: «Я никогда ее не видела. Если бы я не наткнулась на тех, кто когда-то жил возле нашего дома, я бы и не знала о ее рождении. Только подумай! Моей сестре столько же лет, сколько моей дочери. А я никогда не видела ее».

Именно это случайное замечание и дало Эдрису ключ к решению задачи, которую он до сих пор считал неразрешимой. Эдрис связался с агентством частного сыска Нью-Йорка и заказал всю возможную информацию о семнадцатилетней девушке по имени Айра Марш. За двести долларов агентство предоставило ему подробный пятистраничный отчет, из которого Эдрис вынес твердое убеждение, что, если эту девушку грамотно направлять, его задача будет практически решена.

По некоторым малозначимым деталям, содержавшимся в отчете, Тикки понял, что Айра – существо необузданное. Она состояла на учете в отделении полиции как малолетняя преступница, но была слишком хорошенькой, чтобы хоть раз предстать перед судом. Она слыла магазинной воровкой, и при ее появлении охранники торговых заведений не спускали с нее глаз. Она была связана с бандой «Мокасины», главной группировкой среди подростков-террористов, которая постоянно сталкивалась с полицейскими и с бандами своих соперников в

округе. Главой «мокасинов» был Джесс Фарр, восемнадцатилетний бандит, который в жестких разборках проторил себе дорожку к своему нынешнему бесспорному лидерству. Шесть месяцев назад, говорилось в докладе, Фарр стал регулярно встречаться с девушкой по имени Лея Фелчер. Она была сверстницей Фарра, жесткая, красивая фурия, считавшая, что ее положение любовницы главаря ставит ее на недосягаемую высоту. Айра решила, что ей нужен Фарр и ей нужен статус Леи. В переполненном подвале под складом мужская часть банды, с Фарром в качестве приза, наблюдала, как две девушки, обнажившись по пояс, с помощью ногтей, зубов и кулаков устроили самую долгую и кровавую схватку в истории этой банды.

Айра знала, что ей придется сражаться за Фарра, и позаботилась о том, чтобы подготовиться к схватке. В течение трех недель она жила как спартанец и регулярно посещала тренажерный зал Маллигана, где заправлял старый кулачный боец, который втайне тренировал ее по своей собственной методике и пребывал в радостной уверенности, что Айра не может не победить.

Как девушка Фарра, Айра все больше и больше погружалась в дела банды. Она всегда была среди участников драки, чтобы подбодрить их. Часто ее использовали в качестве приманки, чтобы нарушить тягостное перемирие, которое время от времени заключали между собой банды.

Отчет заканчивался такими словами: «Эта молодая девушка проницательна, умна, жестока, эгоистична и аморальна. По мнению нашего агента, нет ничего, что заставило бы ее отказаться от достижения своих целей. Отрицательные качества отчасти компенсируются ее смелостью, решительностью и финансовой жилкой. Всякий раз, когда она без средств, что случается довольно редко, она подрабатывает у Джо Слессера, букмекера, который ее высоко ценит. У него она научилась обращаться с различными счетными устройствами и компьютерами».

На бумаге Айра Марш казалась идеальным кандидатом для трудной работы, которую собирался дать ей Эдрис. Сидя в «мини», изучая ее привлекательное личико, он еще больше уверился в том, что она ему подойдет.

– Я навел справки о тебе, детка, – сказал он. – Мне понравилось то, что я узнал. Ты хочешь заработать немного денег?

Пока Эдрис вел машину, и теперь, когда он говорил, Айра изучала его так же пристально, как он ее. Интуиция подсказывала ей, что к этому маленькому уроду следует отнестись всерьез.

– Это зависит от двух вещей: сколько денег и что я должна сделать для этого, – сказала она.

Эдрис похлопал по рулевому колесу своими корявыми ручками и улыбнулся:

– Ты игрок, детка?

– Возможно.

– Сколько ты хочешь денег?

– Сколько смогу выиграть.

– Я не это имею в виду. Ты мечтаешь о деньгах? Я – да. – Эдрис положил ногу на ногу. – Я всегда мечтаю о деньгах. А ты?

– Полагаю, что да.

– О какой сумме ты мечтаешь?

– Такая вам не по карману.

– Но все-таки?

– Миллион долларов.

– И всего-то? – хохотнул Эдрис. – Почему не десять миллионов, не двадцать?

Она взглянула на дешевые часики на запястье:

– Кончайте свои игры. Через десять минут мне надо быть дома. У меня сегодня свидание.

– Положим, я покажу тебе, как сделать пятьдесят тысяч долларов, – тихо сказал Эдрис, – ты готова рискнуть?

Посмотрев на него, она поняла по выражению его глаз, что он не шутит, и почувствовала, как в венах вдруг быстрее побежала кровь.

– Чем я рискую? У меня ничего нет.

– Да, ты рискуешь. Ты рискуешь тем же, чем собираюсь рисковать я. Все зависит от того, во сколько ты это оцениваешь. Пятьдесят тысяч долларов – это неплохая сумма. Риск не так уж велик, но он есть. Ты рискуешь своей свободой, детка, так же как я буду рисковать своей.

– С чего вы решили, что моя свобода стоит пятьдесят тысяч долларов? Моя свобода? – Она рассмеялась. – Я ни перед чем не остановлюсь, чтобы заполучить такие деньжищи.

Ее смех смолк, а на губах осталась решительная и горькая улыбка – он отметил это и, довольный, кивнул:

– Сначала придется их заработать, детка. Только не ошибись. У меня для тебя особое задание, но, чтобы его выполнить, нужно потрудиться.

– Как?

– Прежде чем я объясню, позволь рассказать, что за всем этим стоит.

Именно тогда она и узнала о своей сестре и ее браке, о том, как сестра сбежала с ребенком и в конце концов стала уличной проституткой.

– Твоя сестра сидит на героине, – сказал Эдрис. – Ей уже никто и ничто не поможет. Я даю ей четыре месяца, не больше. Она умирает на глазах.

Айра сидела, подавшись вперед, упершись локтями в колени, а подбородком в ладони... Взгляд ее затуманившихся голубых глаз был настолько сосредоточен, что она перестала замечать все вокруг, забыв о свидании с Джессом, забыв о танцах в ночь на воскресенье, забыв обо всем, кроме этого свистящего шепота, по капле отравлявшего ей слух.

Наконец Эдрис рассказал ей о том, чего он хочет от нее. Это прозвучало как сюжет из какого-то фильма, и поначалу она решила, что он просто сумасшедший – урод с дыркой в голове. Но по мере того как он продолжал посвящать ее в свой замысел, она стала осознавать, что все это может сработать и в таком случае деньги не блеф.

– Он никогда не видел своей дочери, – попыток Эдрис. – Он ничего не слышал о ней все шестнадцать лет. Есть семейное сходство. Я его вижу. Ты очень похожа на Мюриэль. Он это тоже увидит. Здесь не о чем беспокоиться. Он примет тебя за свою дочь без всяких вопросов. Для тебя это очевидно, ведь так?

Да, для нее это было вполне очевидно. Мать ей говорила, что Мюриэль в семнадцать лет выглядела точно так же.

– Но как насчет дочери? Той, которую я должна представлять? – спросила Айра. – Что насчет нее? Что, если она слышала обо мне?

– Ее не будет, – сказал Эдрис и потер руки. – Она мертва. Она умерла на прошлой неделе. Вот почему я здесь. Если бы она была жива, мы бы не смогли это проверить. Только когда Мюриэль сказала мне, что дочь мертва, мне пришла в голову эта идея. – Он испытующе посмотрел на девушку, дабы убедиться, что она поверила ему. – Даже сейчас мы ничего не можем сделать, пока Мюриэль жива. Но ей осталось недолго... три-четыре месяца.

Айре стало не по себе.

– Как умерла ее дочка?

– Она купалась, у нее начались судороги, и она утонула, – как по писаному лгал Эдрис.

– И ничего нельзя сделать для Мюриэль?

– Нет, она живой мертвец.

Айра сидела молча, глядя сквозь лобовое стекло автомобиля.

– Ну? – нетерпеливо спросил Эдрис. – Ты готова на это? Риск небольшой.

– Я подумаю. Это надо хорошенько обдумать. Будьте здесь в это же время в следующее воскресенье, и я дам ответ – да или нет.

– Я не могу снова приехать из Парадиз-Сити, детка, – сказал Эдрис. – Я тут за счет своего ежегодного отпуска. Я должен зарабатывать на жизнь. – Он вынул визитку из кошелька. – Вот мой адрес. Пришли мне телеграмму, когда ты все обдумаешь. Достаточно одного слова: да или нет. Не торопись. Мы не можем ничего сделать, пока Мюриэль жива. У тебя куча времени, чтобы принять решение, детка, и, уверен, оно будет правильным.

Она думала об этой первой встрече с Эдрисом, когда вышла из зала прибытия аэропорта и направилась к автовокзалу. С тех пор она еще дважды виделась с ним. За эти четыре месяца ожидания он навел глянец на свой план. Теперь трудно было представить, что могло бы пойти не так. Она попрощалась с отцом, сообщив, что получила работу далеко от Нью-Йорка и что она не вернется.

Он был слишком пьян, чтобы осознать это. Единственное, о чем Айра сожалела, – это о расставании с Джессом Фарром. Она не сказала ему о том, что собирается делать. Он задал бы слишком много вопросов. Она сказала себе, что с пятьюдесятью тысячами долларов наличными она будет иметь много мужчин получше и поинтересней нынешних. Она сказала это, но не очень-то себе поверила. С раздражением она обнаружила, что влюблена в Джесса больше, чем полагала. Она будет скучать по нему.

Сопровождаемая взглядами мужчин, она вышла из прохладного здания аэропорта, пересекла освещенный ранним утренним солнцем тротуар и села на автобус до Сикомба.

Глава третья

– Это дорога не в Парадиз-Сити!

Они молча ехали примерно тридцать минут. Затем Алгир внезапно сбавил скорость и свернул с шоссе на узкую грунтовую дорогу, с кустарником цитрусовых по обе ее стороны.

– Все в порядке, – буркнул он и чуть увеличил скорость.

– Нет, не так! – воскликнула Норена, в голосе ее слышалась тревога. – Я знаю, что эта дорога ведет к морю! Вы ошиблись, мистер Теббел.

– А что не так с морем? – спросил Алгир, глядя перед собой. Он не мог заставить себя взглянуть на девушку. – Ты не любишь море?

На прошлой неделе он ездил по шоссе 4А в поисках пустынного места, где он смог бы убить девушку и избавиться от ее тела. Эта дорога, по которой они сейчас ехали, вела к наиболее подходящему им месту. Он ежедневно спускался по ней все пять дней, всегда в это время, и ни разу не видел никого ни на дороге, ни на пляже. Тут купались и устраивали пикники строго по субботам и воскресеньям: в будни, казалось, никто не имел ни времени, ни желания купаться там.

– Я хочу как можно скорее увидеть маму, – нервно сказала девушка. – Мы теряем время, мистер Теббел, заехав сюда. Надо остановиться и повернуть назад.

– С чего ты решила, что ты не увидишь ее, если мы поедем здесь? – сказал Алгир. – Разве я говорил, что она в Парадиз-Сити?

– Тогда где она?

– Она в больнице Калвера, – солгал Алгир. – Это короткий путь к Калверу.

– Но это не так! Я знаю эту дорогу. Она ведет только к дюнам и к морю.

– Предоставь это мне, Норена, – с неожиданной резкостью сказал Алгир. – Я знаю, что делаю.

Она посмотрела на него. Казалось, это был не тот человек, что встретил ее в кабинете доктора Грэхема. Тот был симпатичным, добрым и отзывчивым. А этот... Норена похолодела от ужаса. Почему его лицо резко изменилось? Лица меняются так только в ночных кошмарах.

Из-за дерева, тяжело хлопая крыльями, вылетела цапля, испуганная приближающейся машиной. Впереди Норена увидела море.

– Там море, – сказала она в отчаянии. – Эта дорога к морю и больше никуда.

Кусты цитрусовых уступили место высокой пампасной траве, которая покачивалась под мягкими порывами теплого бриза и была похожа на зловещие пальцы, приманивающие жертву.

– Пожалуйста, остановитесь, – умоляла Норена. – Пожалуйста.

В сотне ярдов от них дорога кончалась большим круговым поворотом.

Когда Алгир стал притормаживать, Норена снова посмотрела на него. Его окаменевшее лицо блестело от пота. Глаза вытаращены. Губы злобно сжаты. Его вид ужаснул ее. Она инстинктивно почувствовала, что он готов напасть на нее. Она часто читала в газетах об изнасилованиях и убийствах. Читала без особого интереса, уверенная, что с ней ничего подобного никогда не случится. Она полагала, что большинство убитых девушек сами были виноваты в этом. Тем, как они одевались и как себя вели, они действительно создавали себе проблемы. Но зачем этому человеку нападать на нее? Что плохого она ему сделала?

Если, конечно, он не один из тех ужасных маньяков, о которых пишут. Но этого не могло быть. Он мамин адвокат. Но разве у мамы был адвокат? Она никогда не упоминала о нем. Норена снова взглянула на Алгира, который остановил машину и вынул ключ зажигания.

На нее он не смотрел, что было еще хуже. Если бы он посмотрел на нее, она, может, по выражению лица догадалась бы о его намерениях. Его движения были медленными и скованными. Она заметила, как его рука, когда он вынимал ключ зажигания, дрожала.

Пляж с бесконечными дюнами, с островками пожелтевшей сухой травы и с широкой полосой мокрого песка, отмечавшей отлив, тянулся на много пустынных миль. Ветер окреп, закручивая сыпучий сухой песок в маленькие кольца, которые неделя за неделей, месяц за месяцем, год за годом создавали конусы дюн, возвышавшиеся над плоским пляжем.

Норена незаметно потянулась к ручке дверцы. Дверца автомобиля распахнулась, и девушка выскочила. Алгир попытался схватить ее, но опоздал. Она вырвалась и помчалась по мягкому песку – так быстро она еще не бегала никогда.

Она никогда не играла ни в хоккей, ни в баскетбол. Она ни разу не выигрывала у сильных соперниц бег на сто ярдов в спортивных состязаниях колледжа. И ей никогда не приходилось бегать, спасая свою жизнь, но теперь, когда она летела по пляжу, мысль, что она делает это, чтобы остаться в живых, гнала ее вперед гораздо быстрее, чем требовалось бы для победы в забеге на сто ярдов.

Алгир изумленно смотрел ей вслед. Его поразило, как быстро эта девушка бежит.

Если она сбежит, то все расскажет!

Он выскочил из машины и припустил за ней. Расстояние между ними было не менее ста ярдов, и оно увеличивалось. Кто бы мог подумать, что эта маленькая сучка может так бегать? Ее длинные ноги, казалось, не касались песка. Он уже тяжело дышал. Его единственной физической нагрузкой были редкие игры в гольф. От бега в таком темпе он вскоре стал задыхаться. Он не останавливался, понимая, что она все больше и больше удаляется от него. Наконец она исчезла из виду за высокой дюной.

Он продолжал бежать, пока не добрался до этой дюны. С колотящимся сердцем, хрипло дыша, он вскарабкался на дюну и остановился – глаза ему разъедал пот. Теперь он увидел ее далекий силуэт на фоне лазурно-голубого неба. Она все еще бежала легко и размашисто, только изменила направление. Она больше не бежала наугад вдоль пляжа, который простирался на несколько миль вперед вплоть до огромного заболоченного кипарисового леса. Теперь она, покинув пляж, уходила все дальше от моря. Впереди перед ней были лесистые холмы, поросшие дубами, ивами и кое-где кленами.

Несколько дней назад Алгир осматривал эти холмы. В зарослях подлеска была прорублена тропинка, полумесяцем тянущаяся до той самой грунтовой дороги, на которую свернул «бьюик» с шоссе 4А.

Знала ли она, что тропинка ведет к шоссе? У него был шанс поймать ее. Единственный шанс. Он скатился, как с горки, с песчаной дюны и помчался по песку к «бьюику». Добежав, сел за руль, трясущейся рукой вставил ключ в замок зажигания, завел двигатель и рванул обратно к грунтовой дороге.

Ему потребовалось лишь несколько минут, чтобы добраться до Т-образного перекрестка, соединявшего грунтовую дорогу и тропинку, идущую от лесистых холмов. Он оставил «бьюик» в тени раскидистой ивы, затем снял пиджак, бросив его в машине, и то бегом, то шагом поспешил по тропинке, пока не добрался чуть ли не до холмов. Он остановился, оглянулся в сторону «бьюика», но за высокой пампасной травой машины было не видно. Удовлетворенно кивнув, он на несколько ярдов продвинулся в подлесок. Затем выбрал куст погуще и притаился за ним. Из засады ему было видно примерно двадцать ярдов тропинки.

Теперь ему ничего не оставалось, как ждать.

Сидя на корточках в ожидании Норены, он подумал о Тикки Эдрисе и этой девушке, Айре Марш. Тикки, похоже, был ею доволен. Весь успех их плана зависел от этой девушки. Если Тикки ошибся в ней, тогда какой смысл было убивать Джонни Уильямса, Мюриэль Марш, а теперь еще и ее дочку. Может, он свихнулся, поддержав такой план, но Тикки убедил его.

– Я видел ее, а ты нет, – сказал Тикки. – Она создана для этой работы. Не беспокойся о ней, Фил. Эта кукла на все пойдет ради денег.

Он подумал, что у Тикки съехала крыша, если он пообещал подростку пятьдесят тысяч долларов. Зачем отдавать такой навар? Наверняка она бы согласилась и на десять тысяч.

Тикки улыбнулся своей зловещей улыбкой:

– Какая разница? Кто сказал, что она вообще что-то получит? Расслабься, Фили-малыш, подумаешь, еще один труп. Сколько у нас уже – три?

Алгир вытер пот со лба. Он не доверял Тикки. Он должен был проследить за тем, чтобы Тикки не задумал что-то за его спиной. Подумаешь, еще один труп. Сколько у меня тогда будет – четыре?

Алгир подозревал, что у Тикки не все дома. Он был одержим жадной мести. С тех пор как он начал работать в ресторане «Ла Коквилль», он не раз говорил Алгиру, что всегда мечтал покончить с богачами.

– Знаешь что? – сказал он однажды, когда они вдвоем сидели в квартире Тикки. Это было в четверг, вспомнил Алгир, поздней ночью, по окончании работы Тикки. Они планомерно выпивали, и к тому моменту Тикки был очень пьян. Его лицо стало красным, глаза остекленели, а на лбу сверкали капли пота. – Я не мог себе представить, как мне уделать этих богатых сволочей. Чтобы сравняться с ними, я должен был иметь столько же денег, сколько у них... даже больше. Я не понимал, как мне достать такие деньги, пока не поехал к миссис Форрестер. Какой у меня был шанс? Я, уродливый карлик, против этого ухмыляющегося, гогочущего скопища богатых ублюдков, которые относятся ко мне как к шуту, – со всем их презрением и вонючими шутками. Затем однажды ночью я отправился к этой старой корове, и это случилось! Теперь я больше не один. Я могу говорить с этим парнем, и он намного умнее меня. Ты не представляешь, насколько он умен.

Алгир, слегка пьяный, уставился на карлика:

– Что ты имеешь в виду? Какой парень?

Эдрис принял таинственный вид. Надув щеки, выдохнул и стал обмахивать короткопалой ручкой разгоряченное лицо.

– Я не знаю, кто он. Я его никогда не видел, но я слышу его. Он вот тут. – И Эдрис постучал себя по массивному лбу. – Он говорит со мной, Фил. Именно он придумал этот план. Он сказал мне, что делать. Он, а не я.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.